

МОЙ ДНЕВНИК

Боже мой! Кто же среди нас, женщин, не пребывает в глубокой уверенности, что наши личные переживания, мысли и чувства являются весьма оригинальными и захватывающими, поэтому и заслуживают публикации. Прекрасна сама возможность поделиться со всеми людьми в мире своими тайнами, растрогать их сердца, ощутить вокруг себя теплый отклик тысяч душ, что чувствуют всё подобно тебе самой. К тому же необходимо добавить и понимание того, что доверительность такая способна оказаться полезной для множества женщин, рискующих попасть в похожие ситуации, но после познания моего опыта получивших возможность выйти из них мудрее и удачнее меня.

Все, что желаю я описать, началось в первые дни января. Сразу после Нового года. Помню как сейчас, был это...

ВТОРНИК

С самого утра меня одолевали дурные предчувствия. Я об этом даже Туле сказала, когда в двенадцать мы встретились в «Симе». Я и не обратила внимания, что вуаль к шляпке подобрана удивительно неудачно. Яцек не прислал за мной машину, и все дела пришлось решать, воспользовавшись такси. И конечно, когда я вернулась домой, было уже начало пятого. Я почти не сомневалась, что Яцек пообедал без меня, и, собственно, потому и зашла в его кабинет — пожурить его за это. В последнее время, а точнее сказать, после Рождества, стал он не таким внимательным и деликатным, как раньше. Кажется, у него возникли какие-то проблемы.

Яцка в кабинете не было. Бонжурка¹ его лежала нетронутой на краю топчана. Он не был на обеде, не вернулся с конференции. Я как раз мысленно отмечала это, когда взгляд мой остановился на бюро. Там лежала нетронутая дневная корреспонденция. Я машинально взяла ее в руки.

Прошу мне поверить: я никогда не вскрываю письма мужа с той поры, как один из конвертов у меня разорвался, да так неловко, что Яцек заметил это. Не сказал тогда ни слова, но мне было ужасно стыдно. Ведь мог заподозрить, что я за ним слежу, подозреваю в измене и что вообще способна к отвратительным поступкам.

И все же на сей раз я решила нарушить свои же правила. И не жалею об этом, потому что поступила верно.

Письмо было в длинном элегантном конверте, подписанном крупным красивым почерком. На нем стоял варшавский штемпель. Если бы даже конверт не пах очень приличными духами, я все равно сразу догадалась бы, что это послание от женщины.

Я никогда не отличалась ревностью, и само это чувство кажется мне отвратительным. Однако здравый смысл приказывал ознакомиться с опасностью, которая мне угрожала и о которой предупреждала моя безошибочная интуиция. Соблюдая все меры предосторожности, я вскрыла конверт. Письмо оказалось коротким. Написано там было вот что:

Мой дорогой!

Я внимательно прочла твои доводы. Возможно, они могли бы меня убедить, если бы ко всему не примешивались чувства. Я ведь оттого и приехала, оттого и искала встречи с тобой, что не могу тебя забыть.

Я тоже не желаю скандала. Мне совсем не хочется увидеть тебя за тюремной решеткой. Но я также не имею ни намерения, ни наименьшего желания отречься от мужа.

Быть может, я тогда, покинув тебя не простившись, поступила некрасиво, но как уже писала тебе в первом письме, к такой необходимости подтолкнули меня обстоятельства

---

¹ От *bonjour* (фр.), «добрый день» — короткий мужской домашний халат, покроем напоминающий пиджак.

необычайной важности. Это верно, нынче я использую свою девичью фамилию, однако это не меняет того факта, что я твоя жена и что ты, говоря по-простому, совершил двоеженство, женившись на своей нынешней подруге. Данная проблема слишком серьезна, чтобы нам решать ее в переписке. Потому прошу тебя провести меня в отеле. Буду ждать тебя между 11 и 12 часами завтра утром.

Всегда — или, по крайней мере, снова

Твоя Б.

Я прочла это письмо очень много раз. Стоит ли говорить о моем потрясении, о том, что я была почти без сознания, что была раздавлена! Через три года после свадьбы узнать, как я позорно обманута, а муж мой вовсе не мой муж, а я не его жена, и человек, с которым жила под одной крышей, в любой миг может оказаться в тюрьме, к тому же от одного лишь каприза какой-то отвратительной бабы зависит мой дом, моя репутация, мое общественное положение!.. Это ведь ужасно!

Прошло немало времени, прежде чем я овладела собой настолько, чтобы сосредоточиться и старательно заклеить письмо. Я не знала, каким образом действовать. В первую секунду хотела отправиться на поиски Яцека и требовать от него объяснений, потом мне пришло в голову немедленно упаковать свои вещи и съехать к родителям, оставив все проблемы отцу, наконец, я позвонила маме, но, к счастью, сумела прикусить язычок и не сказала ни слова о своем трагическом открытии.

Ах, какой же одинокой я чувствовала себя в этом мире! Не было у меня никого, буквально никого, кому могла бы я нынче поплакаться, к кому могла бы обратиться за советом. Ни одна из моих подруг не сумела бы удержать язык за зубами, и назавтра вся Варшава сотрясалась бы от сплетен. Оставался Тото.

Ему, конечно же, я могла довериться безоглядно. Он настоящий джентльмен. Но в чем он мог мне помочь? К тому же Тото многократно говорил мне, что мы не должны обременять друг друга своими проблемами. Наверняка это несколько эгоистично с его стороны, однако абсолютно справедливо. Нет, я не упрекну его и словом. Да я бы просто сгорела от стыда. Из моих старых дру-

зей, кто мог бы что-либо присоветовать, в Варшаве тоже никого не было. Марысь Валентинович¹ занимался рисованием и охотился где-то в Канаде, Ежи Залевский скучал в Женеве, д'Омервиль как раз был на отдыхе, а Доленга-Мостович сидел в имении.

Я рад, что пани Реновицкая причисляет меня к своим старым друзьям. Однако, чтобы избежать всяческих недоразумений и подозрений, которые это обстоятельство могло бы подсказать Читателю, отмечу: товарищество наше, хоть и довольно давнее, поскольку началось оно еще во времена, когда пани Ганка едва успела закончить гимназию, всегда имело оттенок несколько братский. В январе 1938 года я и правда сидел в имении и о несчастье, которое обрушилось на дом семейства Реновицких, узнал значительно позднее. (*Примеч. Т. Д-М.*)

Разумеется, я не пошла на фэйф² к Дубеньским, хотя и получила новое платье, которое оказалось мне исключительно к лицу. Только нужно его немного укоротить. Чуть-чуть. На каких-то полпальца. Боже мой! Это было бы первое в Варшаве парижское платье на этих зимних праздниках. В пятницу дамы из французского посольства уже наверняка придут в новых моделях. Но что поделаешь: вот уже какое-то время преследует меня изрядное невезение.

Наконец я решила ничего не предпринимать и ждать возвращения Яцека. Еще не знала, потребую ли от него объяснений. Во сто крат больше желала бы, чтобы он предоставил их сам, без давления. Ведь он всегда был со мной откровенен. Никогда и ничего не могла я поставить ему в упрек. Мы же заключили брак по любви, и я знаю, что до сегодняшнего дня Яцек не перестал меня любить.

Мама, правда, говорит, что он не уделяет мне должного внимания, но ведь его карьера требует всех тех загородных поездок, заседаний и миссий. Я не сомневаюсь, он всегда обо мне помнит и не упускает ни одной возможности подчеркнуть это. Голову дала бы

---

¹ Мариан Валентинович (1896—1967) — польский художник, архитектор, писатель; стоял у истоков польского комикса.

² Дневной прием, назначаемый обычно на пять часов.

на отсечение, что у него нет любовницы, что он мне наверняка не изменяет. И вдруг узнаю, что до меня у него была другая жена!

После долгих размышлений я пришла к выводу: тут должна скрываться некая тайна или даже мистификация. Яцек — с его солидностью, принципами, взглядами — и двоеженство! Невозможно даже представить себе! Под воздействием этих мыслей я несколько успокоилась. Автором письма могла оказаться просто какая-то сумасшедшая или шантажистка. Да и когда бы у Яцека было время жениться на ней? Ведь дядя забрал его за границу сразу после окончания школы, и за четыре года обучения в Оксфорде Яцек ни разу не был на родине. Автор же письма — никакая не иностранка, слишком уж хорошо она пишет польски. А значит — и когда же?..

Чем дольше я над этим размышляла, тем сильнее убеждалась: все дело тут в ошибке или мистификации. Я была убеждена: вот-вот вернется Яцек, распечатает письмо, рассмеется, пожмет плечами и скажет мне: «Смотри, Ганечка, какую забавную вещь я получил!»

Но все произошло иначе.

Яцек возвратился к восьми. Как обычно, очень нежно поздоровался со мной, попросил прощения, что не был на обеде, но, казалось, не обратил внимания на мое сообщение о том, что я тоже осталась без обеда. Лицо его выглядело несколько утомленным, а глаза — печальными. Потом он вошел в кабинет. Мне очень хотелось войти туда следом, но я понимала — следует ожидать его здесь, в зале. Вышел он только через час. По его внешнему виду ничего невозможно было понять. Он сел рядом, а когда дотронулся до моей руки, сделал это с обычным своим спокойствием. Изображая полную безмятежность, я спросила его без нажима:

— Прочел ли ты письма?

— Да, — кивнул он. — Ничего важного. Людка через неделю выезжает в Алжир, а посол шлет тебе поклоны.

Сердце у меня в груди сжалось. Стараясь контролировать себя и не дать дрогнуть голосу, я заметила:

— Мне кажется, ты получил какое-то неприятное известие, огорчившее тебя...